

**НИКОЛАЙ
ВАСИЛЬЕВ**

**ПРОГРЕССОР
ГАЛАНТНОГО ВЕКА**

2017

Книга 1

Николай Федорович Васильев

Прогрессор галантного века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24006232

Аннотация

Многие века обжили российские попаданцы. Только веку галантному как-то не повезло: прискорбно мало было там наших парней. Добавим одного на разживу, а там лиха беда начало – косяком пойдут.

Прогрессор галантного века.

Аннотация. Многие века обжили российские попаданцы. Только веку галантному как-то не повезло: прискорбно мало было там наших парней. Добавим одного на разживу, а там лиха беда начало – косяком пойдут.

Часть первая. От Москвы до Ганновера

Глава первая. От сессии до сессии живут студенты весело

Сашка Крылов, студент четвертого курса Московского историко – архивного института (впрочем, уже РГГУ), отмеченный в своем кругу прозвищем «Баснеплет», встретил утро рокового январского дня 2016 года в постели с тепленькой первокурсницей. Девочка эта по имени Милочка прибилась к их компании в новогодние праздники и первым ее уболтал как раз Сашка, оказавшийся временно без своей пассии, Марины (убыла в Кирово-Чепецк на побывку к родителям). Несколько дней Милочка провела в самозабвении, но потом ее информировали о существовании грозной Марины. Милочка набросилась на Сашку с кулачками, он повинился, она расплакалась и утешать ее взялся Сашкин ближний по прозвищу «Ди Каприо»....

Через неделю вся компания была в кафе и там «Ди Каприо», верный своим привычкам, спикировал на девицу с внешностью фотомодели да и ушел с ней. У Милочки тотчас брызнули слезы, парни наперебой стали ее уверять, что от

этого хлыща ничего другого не стоило ожидать – в итоге она отмякла в объятьях брутального «Терминатора». Тот ее тешкал дней пять, но на Милочкину беду этот вечный хвостист завершил-таки сдачу зачетов и экзаменов и тоже отбыл к родне на каникулы. Милочке взгрустнулось, что тот час было замечено оставшимися корефанами, которые стали зазывать ее в гости.... Милочка смотрела в «искренние» глаза парней и попадала в радушные объятья – на день, два или три. Вчера оказалось, что вся цепочка Сашкиных друзей-приятелей ею пройдена, круг замкнулся. Вид у осознавшей сей факт Милочки был столь растерянным, что Сашка (все еще пребывающий в разлуке с Мариной) решил ее подбодрить. И вот она вновь в его постели – обласканная, успокоенная, милая....

Благостный настрой Сашки был резко прерван дробным стуком в дверь. «Мать твою.... Неужели Марина вернулась? Должна ж была через два дня....».

– Саша, – донесся из общежитского коридора голос Марины. – Кончай дрыхнуть, открывай!

– Это Марина? – испуганным шопотом произнесла проснувшаяся Милочка.

– Да-а – тоже шопотом отвечивал Сашка, лихорадочно соображая, что делать. Есть!

– Вот что! – безапелляционно приказал он. – Собирай тихо свои шмотки и лезь в шкаф. Ты миниатюрная, забейся в уголок, за одежды и сиди тихо. Я же перелезу с балкона на

этаж выше – там живет Леха, так что подойду к Марине с тыла – мол, ходил с утра на мобилу деньги бросить. Когда она в душ пойдет с дороги, ты и выскользнешь отсюда.

Следующая минута была наполнена сумбурными одеваниями преступной пары под аккомпанемент стуков и криков ревнивицы. Но вот Милочка уже в шкафу, а Сашка выныривает на балкон, с ходу лезет на его перила и цепляется руками за ограждение балкона верхнего. Надо сказать, что путь этот был им однажды пройден, вместе с другими дурачками – но то было июньской порой.... Впрочем, сейчас в нем бурлил адреналин и гнал вроде плетки. Еще одно усилие.... Крак! И с оторвавшейся перекладиной в руке несостоявшийся бакалавр архивного дела летит к земле с высоты двенадцатого этажа. Прощай жизнь!! А-а-а!

Глава вторая. Голый среди зимы.

Трудно сказать, сколько времени прошло (в субъективном значении) с того падения, но Сашка вновь обрел чувственные ощущения. И они сразу ему не понравились. Нет, боли не было, но как же холодно! Он с усилием открыл глаза и осознал, что стоит совершенно голым на обочине зимней улицы старорусского города типа Суздали и вокруг довольно много снующих туда-сюда людей в армяках (?), зипунах (?) и шубах. Впрочем, все большее их число останавливается и смотрит, естественно, на него, голого и уже дрожащего. Руки Сашки сами собой скрестились на паховой области, а глаза

все более стали расширяться.

«Едрит-мандрит, где это я оказался? Я что, попаданцем стал? Пожалуй, да.... Веке в 18-ом, судя по мундиру и треуголке того военного

– Эй, молодец, – раздался, наконец, окрик из окружающей толпы. – Ты чей будешь? На юродивого не похож, да и те совсем голыми по улицам не ходют....

– Помогите, люди добрые, – заговорил Сашка (неожиданно для самого себя). – Ограбили меня до нитки в переулке воры, да сюда и выпихнули – для смеха, что ли....

– Какой смех.... На тебя без жалости смотреть нельзя....

– Давайте его сюда, – раздался вдруг женский голос из остановившегося нарядного возка. – Здесь есть медвежья полость, авось согреется, болезный....

Сашку два раза просить было не надо: он тотчас шагнул к возку, да чуть не упал, так как ноги успели одеревенеть на холоде и стали как не свои. Его тотчас подхватили, довели до возка и усадили внутрь, на уже откинутую медвежью шкуру. Женская ручка стала расправлять свободный конец шкуры, меж тем как глаза пересевшей напротив барыни (так ее условно определил студиозус) окидывали стати парня. Но вот он уже укутан, только лицо осталось полуоткрытым.

– Трогай, Ефим, – громко скомандовала спасительница, и возок заскользил вдоль улицы.

– Б-благодарю В-вас, суд-дарыня, – стуча зубами, начал свои речи попаданец. – Эт-та шкура т-такая т-теплая

– Спасение любого человека – дело богоугодное, – ответствовала женщина. – Но мне все же интересно, кого я спасла?

«А действительно, кого? – озадачился студент из 21 века. – Лучше, наверно, представиться иностранцем. Учил я английский и немецкий, но хоть немецкий понимаю лучше, прикинуться надо англom: встретить их на Руси шансов меньше, а вот немцев здесь уже пруд пруди»

– Я, д-добрая госпожа, ст-тудиозус университе оф Кембридж. К-королевство Англия, остров Б-британия на Норд-зее. Майн нэйм Алекс Б-бартон. Я есть эсквайр, д-дворянин по-вашему.

– Надо же, кого мне Господь на дорогу подбросил, – округлила глаза барыня. – Стоит и мне назваться: перед тобой Елена Петровна, дочь графа Бестужева и жена князя Бельского, теперь уже вдовая. Знаешь ли ты, кто такие князья?

– Знаю, госпожа. Самые знатные люди на Руси, вроде наших лордов. Я очень счастлив, что попал в общество княгини.

«Бестужева.... Уж не родня ли она Бестужеву-Рюмину, который был канцлером у Елизаветы?»

– Да, видать счастье тебе сопутствует – меж тем говорила Бельская. – Хоть и ходит оно рядом с несчастьем. Скажи, что ты ищешь на Москве и как попался в руки татям?

«Бляха – муха, чего может искать в земле русской английский студент? Думай, голова, думай быстро!»

– Я путешествую по миру, ваша светлость, моя цель –

сбор данных о разных странах и народах. Особенно интересна мне Русь, сведения о которой очень противоречивы. По возвращении в Кембридж я буду обязан написать диссертацию под названием «Русская империя». Вот только смогу ли я теперь вернуться? Оставшись без средств, документов и даже одежды?

– Что ж, видать встреча наша произошла по велению Господа. Раз я спасла тебя от мороза, то приму участие и в дальнейшей судьбе. Благо и одежд и денег у меня хватает. А давно ли ты едешь по земле русской?

– Около месяца, светлая госпожа: прибыл в Архангельск и стал пробираться в столицу Руси – Москву. Но совсем не ожидал, что в центре города меня дотла ограбят.

– Со столицей России ты обознался, ей вот уже 50 лет является Санкт-Петербург. Но скажи-ка мне, Алекс Бартон, когда ты научился так хорошо по-русски разговаривать?

– Мне не кажется, что я говорю хорошо: многие слова я не понимаю и подбираю с трудом. Но ваш язык учу давно, с 10 лет. Моим учителем был купец из Архангельска, который женился на англичанке и осел в Ливерпуле, близ которого находится наше поместье. А его жена оказалась сестрой моей гувернантки. Инициатором же изучения русского языка стал мой отец, Томас Бартон, которого я не только уважаю, но считаю очень умным и дальновидным человеком. Он сказал 10 лет назад: «Стань специалистом по Российской империи, мой мальчик: она растет, как на дрожжах и скоро будет

задавать тон в Европе. В качестве знатока России ты будешь необходим любому английскому правительству»

– У твоего отца, видать, ума палата. Но жив ли он?

– Был жив два месяца назад. Только болеет часто.

– Есть ли у тебя братья?

– Вам, вероятно, интересны мои виды на наследство? Увы, госпожа Бельская, отец не зря готовил из меня узкого специалиста: я в семье пятый сын. Этим все сказано.

– Это, может быть, и неплохо.... – протянула задумчиво княгиня.

Вдруг возок приостановился, а потом завернул во двор большого дома.

– Вот мы и приехали, – сказала Елена Петровна. – Ты посиди, Алекс, пока здесь. Я распоряжусь принести тебе одежду, подходящую дворянину.

– Вы мой ангел-спаситель, пусть ваша красота и здоровье продлятся на много-много лет.

– Как это ты смог разглядеть в темном возке мою красоту? – улыбнулась барыня. – Совсем еще молодой, а уже такой льстец....

– Вас выдает голос: звучный, музыкальный. Вы, наверное, любите петь и поете хорошо? К тому же Ваши руки совсем не тронуты морщинами, отменно белы и нежны. Мне кажется, Вы овдовели в совсем молодом возрасте....

– Молодой человек! Укоротите свой язык. Мне хоть и лестны подобные комплименты, но я не люблю выглядеть

глупой курицей, которой способны вскружить голову молодые петушки.

– Прощения прошу, файная пани. Смиренно жду своей участи....

– Именно так, господин студиозус.

Глава третья. **Обольщение княгини**

К вечеру того же дня Сашка Крылов, то бишь Алекс Бартон пребывал уже в состоянии, близком к эйфории. Судите сами: ему для обитания была выделена на втором, хозяйском этаже обширного терема уютная комнатка с хорошо натопленной голландской печью. Туда притащили лохань, наполнили ее горячей водой, в которой он сначала полностью отогрелся, а потом две разбитные, смещливые девахи намыли его всего с применением жидкого мыла (!), охально проникая в интимные места и восхищаясь молодецкими размерами и крепостью мужской «штуки». Штаны до колен, камзол и кафтан из тонкого сукна благородного темно-серого цвета, отделанные серебристыми галунами, пришлись ему впору. Они были дополнены двумя белейшими рубашками, изящным шейным платком, чулками телесного цвета и коричневыми туфлями с крупными бронзовыми пряжками; В том, какой он получился бравый кавалер, его убедили с помощью большого переносного «венецианского» зеркала. Теперь еще поужинать бы – может и в обществе княгини Бельской?

Ан нет, рано приبلудник размечтался: ужин ему принес-

ли в комнату, причем не деваха, а вышколенный слуга. Впрочем, слуга передал также приглашение хозяйки дома на беседу после ужина, в ее кабинете. Ну, а ужин состоял из куриного супа, бифштекса по-английски (со слов слуги) с жареным картофелем (!), пышного омлета и кувшинчика английского чая (!) с приложением к нему горки блинов с черной икрой. «Мамма мия! – восхитился и ужаснулся Сашка. – Да разве я все это съем?». Но съел (!) и глазами еще пошарил, не пропустил ли чего. Самый популярный из законов Архимеда («После вкусного обеда....») он чтит и потому прилег покемарить на свою лежанку.

Впрочем, минут через пятнадцать Сашка встрепенулся уже свежим и решил поразмышлять насчет времени, в которое попал. Он хоть и был шалопаем, но к четвертому курсу кое-каких знаний нахватался, причем историей прошлых веков даже был увлечен. «Какой же сейчас год? Судя по подсказке Бельской, со дня основания Питера прошло 50 лет. Так что, сейчас 1753 год? Необязательно, но должно быть близко. Значит, правит Елизавета Петровна и канцлером у нее как раз Бестужев-Рюмин. Недавно она завела нового фаворита, Ивана Шувалова, так как прежний, Алексей Разумовский, обленился и пыл подрастерял. К тому же он оказался совсем не деловым, а у молодого Шувалова и пыла и амбиций полно. Елы-палы, а ведь он стал любовником Елизаветы в 22 года, когда ей было около 40! То-то княгиня на меня взгляды оценивающие бросала.... Пример заразитель-

ный перед глазами.... Ну ладно, не беги впереди лошади, может дело в другом....

Что еще должен знать англичанин? Своего короля, его семью и дворню. А короли-то в Англии с 1714 г нестандартные, а немцы из Ганновера, хоть и назвались Георгами. Тот самый Бестужев-Рюмин был в 10-х годах на службе у Георга 1 и потому слывет англофилом. С 1727 г и посейчас правит уже Георг 2. Королева из Бранденбурга, звали Каролиной, но умерла в 30-х годах. Детей у них было восемь, из них три сына, один умер в младенчестве. Из-за этого младенчика Георг 2 рассорился с Георгом 1, но смерть их помирила. Как же звали второго? А, Фредерик, причем в 1751 г он тоже умер, но оставил сына, которой потом и стал Георгом 3. А третий сын? Вильгельм! Он командовал английскими войсками в Ганновере в ходе Семилетней войны. Уф, хорошо, что у меня развита зрительная память. Как же зовут девочек? Ну, Вики, помогай.... Одна тоже Каролина, а другие? Бабку звали королева Анна и в честь нее назвали внучку, Были еще...Амелия, Мария и Луиза. Эта самая Луиза умерла в один год с Фредериком и король очень горевал. Правил он до смерти в 1760 г.

Ладно, а министры? Сейчас премьером вроде бы Генри Пелэм, который протащил в министры Питта, а до того был 20 лет какой-то Уолпол. Основной враг – Франция, которая зарится на Ганновер. Из-за этого Англия вступила в союз с Пруссией и оказалась против России и Австрии. В 1756

г разразится Семилетняя война, и англичане будут в ней сражаться в Ганновере и, как ни странно, в Канаде – где они французов полностью причешут. Но это будет потом, а вот в 40-х годах Георг отразил попытку Стюарта восстановить правление шотландской династии, причем разгромил его именно Вильгельм. Сам Георг-2 сражался с французами в 1743 г в Дании и победил...»

Тут воспоминания попаданца были прерваны появлением слуги, который повторил приглашение княгини. Сашка вскочил, оправил одежду, пригладил волосы и пошел вслед за слугой. Попетлять по коридорам пришлось – но вот она, дверь в княжеские покои, около которых полудремлет в кресле какая-то мамка. «Чей же это пригляд? – озадачился Сашка. – Муж сгинул, а ошейник оставил?». В покоях прихожая, из которой ведут еще три двери. «Кабинет, будуар и ванная? Или малая гостиная?». Слуга деликатно постучал в одну из дверей, дождался ответа и впустил «англичанина».

Елена Петровна сидела в кресле за столиком типа бюро с вмонтированным в него чернильным прибором и перебирала какие-то бумаги. Слева от нее стоял высокий канделябр с двумя горящими свечами (из трех), дававшими достаточно света для письма, но оставлявшими большую часть комнаты в полутьме. Княгиня попадала в пятно света, только детали ее облика от наблюдателя ускользали. На ней было льняное светлое платье с длинными рукавами и умеренным декольте, которое прикрывала еще кружевная пуховая шаль. Ее длин-

ные напудренные волосы были зачесаны назад и убраны в замысловатую прическу, из которой на высокую белую шею выбивались два или три локона.

«Сколько же ей все-таки лет? На вид под тридцать, но, наверное, больше. Не зря ведь она маскируется.... Впрочем, все равно чертовски хороша, просто желанна!»

– Вот и господин Алекс Бартон. Как Вы сейчас себя чувствуете?

– На седьмом небе, великодушная госпожа. Я благодаря Вам жив, намыт, одет, обут и накормлен самым вкусным ужином, который когда-либо у меня был.

– Даже так? Разве в поместье своего батюшки Вы ужинали скромнее?

– Именно так, княгиня. В Англии не принято готовить вкусно, нам достаточно, чтобы было сытно. Поэтому в ходу овсянка, сыр, мясной пудинг и самое сладкое – яблочный пирог. Здесь же, отведав блинов с икрой, я и ощутил себя на седьмом небе.

– Как немного Вам нужно для счастья, господин студиозус. Неужели больше ничего не хочется?

– Только в мечтах, госпожа....

– Что у Вас за мечты? Со мной не поделитесь?

– Именно с Вами не могу, фэйная пани....

– Вы второй раз употребили это польское выражение. Я-то его понимаю, но с какой стати его применяете Вы, англичанин? Разве на Вашем языке нет достойных комплиментов

для дам?

– Есть, прекрасная госпожа. Например, май дарлинг леди, бьютифул вумен, файн герл.... Но для меня почему-то лучшим определением желанной женщины стали эти польские слова: файная пани.

– Так Вы меня тайно желаете? То есть желаете целовать, носить на руках, холить и лелеять?

– Только если прикажете. По собственной воле я не смогу пошевелить и пальцем – слишком Вас уважаю.

– Все-таки странный вы народ, англичане. Русские молодцы куда смелее, их приходится в строгости держать, иначе тотчас руки распускают. А если все-таки возьму и прикажу?

– Тогда и лелеять и холить и нежить буду как мать, сестру и невесту в одном лице!

– В одном лице? И мать и невесту?

– Вы старше меня, потому я трепещу перед Вами как перед матерью. Но Ваша кожа так бела и нежна, что ее непременно надо оглаживать мужскими ладонями и покрывать поцелуями – а так поступают лишь с невестами. Поэтому я могу стать для Вас одновременно и любовником и почтительным сыном. А свое плечо могу предоставить как сестре.

– Вот тебе и воробушек голенький.... Десяток слов произнес и у меня уже голова кругом пошла, чуть не оскоромилась. Опасен ты для женщин, студиозус, ох опасен.... Или, правда, во мне свой идеал увидел?

– В Вас, файная пани, только в Вас!

– Ну, бросим эти глупости. Я зачем тебя позвала? Хотела службу предложить, только теперь сомнение берет – очень уж ты с женщинами ловок. Да и девки сказали, что молодец хоть куда....

– Ваши девки – явные распутницы!

– Не без этого, юноша, но мне послушны. Что прикажу – то и делают. Или ты в претензии?

– Подумав, скажу, что Вас я все же заинтересовал как мужчина. Теперь мне стали понятны их действия. Это значит, что я могу надеяться?

– Можешь. Я ведь не каменная и совсем не старая. Но не хочу, не хочу терзать свое сердце от ревности. Было уже, терзалась.

– Не могу поклясться быть вечно Вам верным – вечность очень большой срок. Но сейчас все мои помыслы только о том, чтобы Вас обнять и полностью разнежить. Другим женщинам в этих мечтах места нет.

– Ох, змей обольстительный! Но нет, пока ты здесь достаточное время не проживешь, себя не покажешь – я все-таки буду как камень.

– А что за службу Вы хотите мне предложить?

– Есть у меня дочь единственная, Ксенечка, пятнадцатое лето у ней заканчивается. Переросток по нынешним понятиям, да у меня понятия свои. Меня саму в тринадцать лет в общество вывели и тут же замуж отдали, а в четырнадцать я родила. Только сыночек при родах задохнулся, и сама я

чуть богу душу не отдала. Ксению родила уже в шестнадцать и, слава богу, здоровехонькую. Пусть и она родит не раньше шестнадцати лет. А пока пусть еще поучится....

Так вот, преподают ей науки и искусства несколько учителей. Но ее знаниями по истории и географии я недовольна, а специального учителя по этим предметам нет. Ты ведь изучил их в своем университете?

– Не то чтобы все, но многое, госпожа княгиня.

– Вот и подтяни ее, обогати знаниями. Начать можешь со своей Англии, о которой и я, признаться, знаю совсем мало.

– Может мне и с Вами Англией позаниматься?

– Ну, уж нет, нет. С таким преподавателем я враз в любовницы-матери ужожу!

– Тогда я согласен стать преподам Вашей Ксении. Куда и когда мне завтра явиться?

Глава четвертая. **Обольщение княжны**

Утро попаданца началось с того, что слуга отвел его завтракать в небольшую комнату, где столовались преподаватели Ксении («Со мной будет шесть» – отметил Сашка). Почти все иноземцы: сухопарый немец Карл Рашке был математиком, рослый швед Свен Бе – ботаником, меланхоличный австриец Йоган Краус – музыкантом, подвижный француз Антуан де Пюи – учителем танцев, фехтования и выездки. Только обрюзгший учитель словесности (и до недавнего времени истории с географией) был русаком со странным

именем Эраст Мочалов. Каждый препод обучал Ксению попутно и своему родному языку – впрочем, все они владели более или менее русским и преподавали на нем. Нового коллегу эти господа встретили очень сдержанно, подозревая в самозванстве. Завтракали в молчании – то ли тут было так заведено, то ли присутствие Алекса Бартона их сковало. И завтрак был без излишеств: гречневая каша (правда, разваристая, вкусная, с топленным маслом) да взвар с блинами и медом.

Расписание занятий составляла (и изменяла) сама княгиня, поэтому Ксения сразу попала на Алекса. А чего тянуть: червоточину выявлять надо сразу – и удалять.

– Гуд мorning, мисс Ксения, – приветствовал ее Сашка. – Это в переводе с английского означает доброе утро, девушка. Позвольте представиться: я Алекс Бартон, студент лучшего университета королевства Англии, что находится у моста через реку Кемь и потому называется Кембридж – ведь бридж по-английски – это как раз мост....

В таком стиле он стал преподавать свой предмет слегка ошарашенной его напором девушке, потихоньку к ней приглядываясь. Минут через десять вынес вердикт: «А ничего так, выбьется со временем в красотки. Пока же что-то вроде гадкого утенка... Рост уж больно нестандартный. Усугубленный худобой». Действительно, Ксения, обутая в миленькие сапожки практически без каблуков, доходила Сашке макушкой до бровей – а рост у него был нехилый, 185 см. В

этом времени с ростом 175 см девушка долго будет подыскивать себе пару. «Впрочем, гренадершей в 180 см является будто бы императрица Елизавета.... Историки нашего времени в этом все же сомневаются. Вот и посмотрим при случае.... А черты лица и зеленые глаза Ксения унаследовала от матери, причем у молоденькой девушки они прямо-таки изумрудные, с чистыми-чистыми белками....»

Ксения тоже приглядывалась к новому и возмутительно молодому преподавателю. Ей успели нашептать в оба уха, что он метит в фавориты к ее матушке, которая хоть и не была пока замечена в предосудительных связях, но дочь чувствовала сердцем, что ей очень хочется любви. «Но почему надо связываться с этим недоучившимся студентом? Вокруг столько настоящих мужчин, в соответствующем матери возрасте и с именем, боевыми заслугами.... А может мне все наврали? Да и чем может приглянуться матери такой щегол? Самоуверенностью и развязными манерами? Внешностью и ростом? Но матери-то зачем великан? Это мне подыскивать высоких надо.... Но только не нищего студента....»

«Слушать его, Впрочем, забавно и как-то легко все запоминается. Это потому что он сцены из жизни все время приводит, то шуточные, то не очень. Как с этими королями, Георгом 1 и 2-ым, которые поссорились из-за крестин младенца, а в результате всех детей у Георга 2-го отобрали на много лет. Дети-то тут причем? А их мама, принцесса Каролина, вот уж, наверно, плакала, плакала.... Хорошо, что Георг 1-

ый через несколько лет помер и дети вернулись к родителям. А через 10 лет и Каролина умерла, попросив перед смертью Георга 2-го вновь жениться. Но тот ее любил и жениться отказался. Правда, сказал странные слова: мол, мне и мэтресс хватит. Это что, он на любовниц намекал? Как так, жена еще жива, а он ей про любовниц говорит? Почему мужчины такие грубые, нечуткие? И большие изменщики, особенно короли. Хорошо, что мне не надо за короля замуж выходить, а достаточно будет за князя или даже графа. Они, наверно, более постоянные – возле них фрейлины и фаворитки не толпятся....»

Княгиня Елена Петровна прослушала в укромном месте весь урок. К Алексу вроде бы нельзя было придрататься, но с ее дочерью он говорил все-таки чересчур свободно, почти развязно. По окончании 2-х часового урока она понеслась на перехват Ксении и с облегчением услышала от нее мнение, подобное своему: слишком развязен, много о себе мнит. «Так может прекратить на этом его преподавание?» Но тут Ксения уперлась: знает он много и рассказывает интересно. А его развязности она и сама укорот сделает. И вновь княгиня испытала что-то вроде облегчения: пусть, пусть остается, негодник....

После урока Сашка решил обойти поместье – интересно ознакомиться, да и вдруг найдет сразу применение своему послезнанию? Но влет ничего не нашел, местный быт обу-страивали с умом. Ну а кардинальные переделки типа кана-

лизации, водопровода и центрального отопления требовали, конечно, не Сашкиных умений. Можно предложить рессоры для кареты – но это будет актуально после окончания зимы. Пока же на санных полозьях кататься очень даже комфортно.

Задворки поместья выходили на покатый склон речки Неглинки (название подсказала дворня), с которого местные ребятишки то и дело лихо скатывались на санках. Вдоль санного спуска к проруби на речке вела пологая деревянная лестница с односторонними перилами, покрытая местами ледяными натеками расплескавшейся из ведер воды. По речке же проходила довольно оживленная санная дорога. «Ну вот, и каток здесь не обустроить....» – приуныл Сашка, который уже представлял, как он скользит с Ксенией бок о бок на коньках, а на берегу в отапливаемом железной печкой павильоне играет струнно-духовой оркестрик....

Он вернулся в дом и от нечего делать пошел на звуки скрипки, доносившиеся из учебного класса. В чуть приотворенную дверь зырила очередная мамка. Сашка подошел и стал смотреть в щель поверх чепца, но обзор был плохим. Тогда он бесцеремонно открыл дверь, вошел в залу и прислонился к стенке. В центре залы совершали сложные пассы ногами и руками де Пюи и Ксения, а музыку им наигрывал герр Краус. Пара с появлением «англичанина» приостановилась, Ксения нахмурила бровки, а с губ француза уже сорвалось первое ругательство, – но девушка вдруг снова двинулась по танцевальному треку, и учитель поспешил за ней.

Спустя пару минут Сашка решил, что они танцуют менуэт – по крайней мере, что-то похожее он видывал в исторических фильмах. А еще ему показалось, что княжна исполняет танцевальные фигуры с большим пылом, чем перед его вторжением в класс. Тут за спиной у Крауса он увидел что-то похожее на пианино и по стеночке подошел ближе. «Какое пианино, это, конечно, клавикорд. Но клавиши почти те же. А звук?». Здесь следует сказать, что Сашка посещал в детстве музыкальную школу – по классу флейты, но и пианино обязан был освоить. Потом уж, в юности стал бацать и на гитаре....

В это время звуки скрипки смолкли, и танцоры присели на стоящий вдоль стены диванчик.

– Господин Краус, – обратился Сашка к скрипачу. – Я не ошибаюсь, это клавикорд?

– Я, я, эс ист клавикорд.

– Позвольте мне за ним немного посидеть? Я играл в детстве на подобном инструменте.

– Зитце. Княжне надо этвас отдохнуть.

Сашка положил пальцы на клавиши и минуты через две освоился. Звук ему, конечно, не понравился (глуховат), и пальцы свои не понравились (неловкие, как чужие), но сыграть что-нибудь хотелось. И не просто сыграть, а отчебучить (как в «Курьере» – усмехнулся он). Но преодолел себя и заиграл, а после и запел «Среди долины ровныя». Баритон его хорошо лег на глуховатый строй клавикорда, и общее звуча-

ние получилось мощное.

– Что это за песня? – подошла к нему Ксения. – Такая русская.... Откуда Вам-то знать такие песни?

– Я слышал ее в дороге, на реке Волге. Пел купец, очень глубоким басом. Мне так не повторить....

– У Вас и так хорошо получилось. И Вы уверенно играете на клавиноде.

– Напротив, неуверенно. С детства не играл. А флейта у вас есть?

– Есть у герра Крауса. Вы и на флейте играете?

– Сейчас узнаю. Герр Краус, гиб зи мир ире флейте?

– Говорите по-русски, ваш акцент режет уши. Вот, только не уроните, эс ист нур ейне.

Сашка размял губы, поднес к ним флейту, глубоко вдохнул и побежал пальцами по дырочкам, выдувая гамму. Вроде нормально. После этого он чуть подумал и заиграл простенькое: «В лесу родилась елочка....»

– Это какая-то песенка, – безапелляционно заявила Ксения по окончании его пассажа.

– Верно, – одобрил ее Сашка. – Вы можете ее с моей помощью разучить и исполнить на зимнем детском празднике. Или все праздники уже прошли?

– У нас и нет особых детских праздников. На Новый год только хороводы водим вокруг елки вместе со взрослыми и на фейерверки смотрим. А у вас в Англии не так?

– В Англии зимой дети много и разнообразно веселятся:

катаются по льду прудов на коньках, скатываются на санках со специально устраиваемых ледяных горок, возводят и потом штурмуют снежные крепости, устраивают гонки на лыжах и собачьих упряжках – да много еще чего придумывают....

– Веселое у вас королевство. Хотя бы для детей....

– Госпожа Ксения! – раздался вдруг голос подзабытого учителя танцев. – Вы не будете больше танцевать?

– Алекс, а бальные танцы Вы играть умеете? – спросила вдруг княжна. – Может, подыграете герру Краусу?

– Отчего ж не попробовать? – пожал плечами Сашка. – Делать мне в вашем доме все равно больше нечего....

Краус недовольно поморщился вздорному капризу княжны, открыто перечить не стал, но решил срезать выскочку.

– Вы разбираете ноты? – спросил он «англичанина».

– Дайте на них поглядеть, – буркнул Сашка. – Та-ак.... Опять менуэт. В этот раз Иоганна Себастьяна Баха. Соль мажор. Тогда Вы за клавикорд, а я возьму флейту.

Краус поджал губы и подсел к клавишнику. Сашка поставил перед ним лист с нотами, приготовил флейту и стал за его спиной ждать своего вступления. Звуки клавикорда посыпались как горох, и пара танцоров пустилась в замысловатый путь. В предписанный нотами момент музыка расцветилась нежными звуками флейты....

Спустя неделю все в доме княгини Бельской вернулось внешне к заведенному порядку: дворня шебуршилась под присмотром мажордома (беспоместного шляхтича Соцко-го), княгиня ездила по родственникам и приятельницам, княжна усиленно набиралась знаний и умений перед скорым представлением императрице (шел в самом деле 1753 год и императорский двор прибыл уже в очередной раз в Москву, в том числе с цесаревичем Петром и женой его Екатериной). Однако по-существу все переменялось.

В альянсе учителей ранее тон задавал Антуан де Пюи: по темпераменту, количеству уроков и влиянию на княжну. Увы, звезда его закатилась: перешел дорогу английский мо-локосос! Теперь Ксения на его уроках холодна, в лучшем случае снисходительна. Да она Крауса или Рашке с большим почтением выслушивает, нежели его, без пяти минут фаворита! Этому же Алексашке в глаза умильно заглядывает! Эх, женщины, все одинаковы: как увидят мужика ростом с оглоблю, обо всех прочих забывают. А этот еще и краснобаем оказался! Что же делать? А вот что: подколоть! Не до смерти, упаси бог, а то княгиня в гневе и самого жизни лишит — но чтобы полежал, полежал.... А если в мошонку попасть — это вообще снимет проблему!

На другой день после судьбоносного решения де Пюи задержал Бартона в классном зале (где проходил очередной урок танцев под сложившийся аккомпанемент Йогана и Алекса), тотчас наговорил ему дерзостей, схватил две тре-

нировочные шпаги, сорвал с них предохранительные пробки и бросил одну в руки жертве со словами: – Защищайтесь!

«Он что, убить меня решил?» – удивился Сашка и резко-резко запрыгал назад в попытке избежать серии выпадов искусного гада. Последний выпад почти достиг цели, причем стало понятно, что гад целит в пах.

– Ах ты сволочь! – озверел Сашка и кинул шпагу в лицо сопернику. Тот, конечно, ее отбил, но руку со шпагой увел на мгновение в сторону. Этого Сашке хватило: он стремительно сблизился с французом, схватил правой рукой его запястье, а левой резко повел в сторону локоть. В плече врага раздался треск, и его рука, выронив шпагу, повисла вдоль туловища: то ли вывих, то ли ключица сломана. Сашка хотел еще дать в морду негодяю, но сдержал себя: уж очень у того стал жалкий вид.

– Иди и помни! – сказал Сашка. – Еще полезешь – обе руки, а то и ноги переломаю. Веришь?

Тот мелко-мелко закивал, попятился, запнулся, упал и потерял сознание.

«Болевой шок?» – удивился попаданец. – Хлипкие они сейчас какие-то....»

И отнес француз на диванчик.

На самом деле он не слишком удивился эскападе де Пюи: то, что его корежит при разговорах Сашки и Ксении, было заметно. «Может у них что-то и было: Ксения девочка трепетная, на мужское внимание отзывчивая. Хотя до секса

вряд ли доходило.... Да если и дошло, мне то что? Я на ее любовь не претендую. Вот книгинюшку да-а, хотелось бы в постельку затащить и там помучить.... А сладкоголосая, душевная какая!»

Тут уместно сказать, что одно нововведение в поместье княгини Бельской все-таки образовалось: по вечерам, после ужина, в той самой классной зале стала собираться теплая компания (княгиня, княжна и Сашка с герром Краусом) с целью музицирования. Звук в зале был прекрасный, два канделябра по обе стороны клавикорда образовывали уютно освещенный полукруг, по краю которого стояли два кресла. В них сидели дамы, а то и кавалеры – когда дамам хотелось самим поиграть или спеть на два голоса. Ведущая роль в этих посиделках отводилась все-таки Сашке, который предлагал для исполнения все новые и новые пьесы, а чаще песни: народные или романсы. При этом он страховался и часто озвучивал «народные английские» песни типа «Пришел однажды я домой...» или «В полях под снегом и дождем...» или «Жил отважный капитан...». Пел и русские (которые «услышал на Волге»): «Ой ты степь широкая», «Вдоль по Питерской», «Гори, гори, моя звезда», «Черный ворон».... В ответ расчувствовавшаяся Елена Петровна тоже запевала народные песни, среди которых Сашка узнавал лишь некоторые: «Ой, то не вечер, то не вечер», иной вариант «Лучины», озорную «Барыню».... Пела она также украинские и польские песни. Ксения, в противовес маман, озвучивала

итальянские, немецкие и французские песни, разученные с герром Краусом и, видимо, с де Пюи. Голосок ее был чистый, звонкий, но грудному голосу матери, в восприятии Сашки, он проигрывал.

Через неделю кампания меломанов стала дополнять спевки танцами, для чего освещение залы усиливалось еще двумя канделябрами. Сашка был единственным кавалером в танцах и, конечно, продемонстрировал свои заготовки. Для начала он исполнил перед дамами ирландскую пляску – ту самую, что обрела популярность в ряде московских пабов. Затем втянулся в менуэты, добавив к ним некоторые связки и пируэты – например, поворот, при котором дама оказывается в тесном соседстве спиной к партнеру в кольце его рук, отправляется обратно и вновь втягивается в ловушку. Дамы ахали, даже возмущались, но быстро поддались этой волнительной игре, проходившей на счастье в полутемном зале. Охальник Сашка, ощутив слабину в чувствах княгини, стал ее втихоря прихватывать за талию и даже подгрудие – чего менуэт того времени совершенно не допускал. (Бедра ее были недосыгаемы из-за чертовых обручей, на которых держалась колоколообразная юбка). С Ксенией таких вольностей он себе не позволял, да этого девушке и не требовалось – она трепетала уже от того, что ее кисти были во власти мужских ладоней и пальцев.

Наконец он разучил с Йоганом вальс «Амурские волны» (разумеется, как народный «ирландский» танец) и уго-

ворил освоить его на танцполе Елену Петровну. Пospоты-кавшись и повозмущавшись непривычно близкому сонахождению танцоров, княгиня все же быстро поняла вальсовые хитрушки и пустилась в полет по кругу. Сашка избрал самый медленный темп, и потому головушка княгини закружилась в самом конце танца. Но как же она была счастлива! «Я летала, летала! Могла упасть, но твои твердые руки мне не позволили. Боже, как было хорошо, вольготно. Только закружилась голова, дай мне полежать....». Сашка полуотвел-полуотнес княгиню к упоминавшемуся диванчику и бережно на него опустил. А когда выпрямился, то уперся взглядом в подошедшую Ксению.

– А как же я? – спросила почти разгневанная дева. – Я тоже хочу так летать!

– О чем речь, молодая госпожа, – чуть поклонился Сашка. – Освойте вот эти полуповороты ступнями и после проверки помчим-полетим!

С обучением княжны он провозился не менее получаса, так как ей была непривычна мужская рука на талии. «А нельзя ли просто держаться за руки?». «Можно, только полета не получится, будет кружение». «Ладно, можете меня обнять, но не притягивайте к груди....». Наконец, она освоилась. Сашка подошел к Йогану и попросил играть в нарастающем темпе. Музыка началась, и танцоры «поплыли по Амуру», совершая воронкообразные движения, все более и более сужающиеся. В какой-то момент Крылов отпустил пра-

вую руку уверенно танцующей партнерши, позволив ей развернуться и двигаться спиной по ходу круженья.... Потом вновь ухватил кисть, опустил ее вниз, убыстрил вращение и шепнул Ксении «Обопритесь на мою руку». Убедившись, что она это сделала, еще ускорился, взметнул девушку в воздух и стал вращать в полуметре от пола.

– Я лечу, лечу! – вскричала княжна и засмеялась, восторженно глядя в лицо «Алексу».

Глава шестая. **Капитуляция княгини**

Следующую неделю восторженные дамы все вечера погружались в гармонию вальса и все более вольготно чувствовали себя в объятьях чудного студиозуса. А тот варьировал и варьировал вальсовые ходы, двигаясь то традиционно, то бок о бок, то спинами друг к другу, то падал на колено, то вращал женщин по воздуху, то сам вращался вокруг них.... Вальсовые мелодии он тоже разнообразил, но ограничился советскими: «В городском саду», «Осенний сон», «Белый вальс» и «Мой ласковый и нежный зверь». Герр Краус трепетал, разучивая эти вальсы, и стал было записывать их нотными значками, что Сашка жестко пресек: «Вы видели перелом де Пюи? Я сломаю Вам обе руки, если Вы попытаете украсть мои мелодии. Я предъявлю их обществу сам, когда придет время».

В субботний вечер он танцевал с княгиней уже очень интимно, пользуясь полутьмой в зале: щека прижималась к ще-

ке, губы поцеловывали шею, ушки и затылок, а ладонь моментами сжимала грудь. При этом он осыпал ее комплиментами, оригинальными эпитетами, двусмысленными шутками, отчего Елена почти постоянно смеялась или просто довольно улыбалась. Его поведение с княжной было совсем иным: он танцевал с ней с легкой улыбкой, молча и полуприкрыв глаза, не забывая соблюдать приличного расстояния. При этом руками он ее постоянно пожимал, склоняя к тому или другому пируэту, отчего Ксения целиком была в его власти и ей это (он чувствовал) особенно нравилось. Время от времени она его о чем-то спрашивала и он, конечно, отвечал – но разговоры были редки, так как главным в их танце стало создание и поддержание общей психо-кровеносной системы, по которой шел взаимный обмен эманациями безусловной эротической направленности.

Донельзя возбужденный пикантным общением с дамами Сашка и не пытался лечь спать, зная по опыту, что не заснет. К тому же он стал испытывать боли в мошонке (мужчины, чье общение с дамами тоже не имело должного завершения, его бы поняли). Надо было как-то себя отвлечь. Но в этом дремучем веке и почитать совершенно нечего. Девку что ли сенную поймать? Хорошо бы ту разбитную, в оспинках, что он огладил тогда, у лохани.... Стоило ему представить эту девку, как она появилась на пороге, с фонарем в руке, в сарафане и валенках. Мать честная!

– Пойдем, сударь, – тихонько позвала девка.

– К тебе? – сглупил Сашка.

– Что ты, сударь, – ухмыльнулась девка. – Тебя барыня зовет.

Мгновенно у Сашки пересохло во рту, а в висках застучали молоточки. «Елки зеленые, и ее, наконец, проняло?». Он встал со стула, надел на рубашку камзол, обул туфли и решил, что для свидания одет достаточно. «Хорошо, что сейчас с презиками заморачиваться не надо» – мелькнула мысль. Он сделал шаг к двери, девка сказала «Только башмаками не греми, сударь», повернулась и пошла вперед, освещая ему путь. Сашка, недолго думая, снял туфли, взял их в руку и пошел в чулках.

Проснулся он раньше Елены, хотя рассвет уже брезжил в окно и в доме то тут, то там раздавались звуки хозяйственного свойства. Сашка посмотрел с нежностью на бледноватое лицо княгини с уже заметными синяками под глазами и довольно разулыбался: «Укатал я ее светлость за ночь. Дорвался до аристократического тела». Он лег на спину, закинул руки за голову и стал вспоминать сладкие эпизоды близости.... Вот он склоняется к постели, в которой лежит, лихорадочно блестя глазами, отчаянная княгиня, и начинает быстро-быстро зацеловывать ее лицо, шею, припадает надолго к губам.... Вот срывает с себя все одежды, ныряет под одеяло и, невзирая на сопротивление женщины, стаскивает с нее длиннющую ночную рубашку, – говоря, говоря, говоря при этом.... Вот долго оглаживает все тело и целует ее бар-

хатистую кожу – на плечах, руках, груди и под грудями.... Вновь целует в губы, уже добиваясь страстного ответа.... А далее по известному пути к средоточию женской сути.... Потом черед страстных признаний и вновь к сердцу подступает волна чувственности. И так много раз, без какого либо пресыщения. А завершилась ночь страсти внезапным и одновременным провалом в сон.

Вдруг Сашкина пустоватая утроба ожила, издав ряд противных звуков. «Черт, черт, черт!» – заперезживал парень. Как ни странно Елена эти звуки слышала и проснулась.

– Сашенька, – участливо спросила она (Сашка как-то разъяснил княгине, что Алекс означает сокращение имени Александр), – ты есть, миленький, хочешь.... Заморила я тебя, заездила. Сейчас, сейчас я распоряжусь. А пока можешь мой туалет посетить: там дверь в прихожей левая, знаешь?

– А я в прихожей ни на кого не наткнусь?

– Нет, нет, у меня с этим строго. Можешь так идти, а я на тебя голого при свете дня полюбуюсь. Можно?

– Видела ведь уже, – улыбнулся Сашка. – При первой встрече....

– Тогда я видела дрожащего прохожего. А сейчас ты мой могучий мужчина и я хочу тобой беспрестанно восхищаться!

– А мне тобой обнаженной можно любоваться?

– Так мне ведь много лет, Сашенька. Девушкой я сама себе нравилась, а сейчас не очень. Ну, если только в постели тебе покажусь....

Когда Сашка вернулся в спальню, Елена попросила его постоять на входе и поворачаться, а потом откинула с себя одеяло, явив мужскому взору вполне сексапильное белокожее тело, с небольшим животиком и слегка оплывшими грудями. Сашка тотчас отреагировал на это зрелище, отчего лицо Елены заалело, и она вернула одеяло на место.

– Нет, нет, – запротестовал Сашка и резво направился к кровати.

– Алекс, – еще более покраснела княгиня. – Но мне тоже нужно туда, где ты побывал....

Глава седьмая. Мученья для рук, ног и попы под управлением дам.

С этого дня вечерние спевки и танцы в классной зале прекратились, так как княгиня и Сашка нашли себе на это время более увлекательное занятие. Уроки же продолжились, однако теперь Ксения пребывала не только в роли ученицы, но и учителя – для разлюбезного Алекса, которому мать решила «подтянуть» фехтование и выездку.

Княгиня была премного удивлена, узнав, что Алекс слабо владеет шпагой и боится лошадей, – и «Баснеплет» тотчас уверил ее, что с детства готовился принять сан священника, которым суетные занятия не рекомендованы.

– Но я хочу взять тебя ко двору императрицы, а там все отменные всадники и фехтовальщики. Или ты настаиваешь на своем духовном призвании?

– Что Вы, славная госпожа, я вынужденно ступил на этот путь, оставаясь в душе воином и эсквайром. Поэтому с жаром подучился бы таким необходимым навыкам....

– У кого? Ты ведь сам сломал ключицу де Пюи.... И не ври мне, что он поскользнулся, вашу схватку видел мой человек!

– Если позволите подсказать.... Ваша дочь уже уверенно фехтует и скачет на лошади. Думаю, ей приятна будет роль учителя....

– В самом деле, это возможно. Только захочет ли она? Ее ведь иной раз не переупрямишь....

Ксения, услышав предложение матери, действительно возмущенно фыркнула, но вдруг согласилась. И вот теперь она ежедневно издевалась над туповатым англичанином: то на уроке фехтования, где с удовольствием язвила его грудь шпагой, то в подмосковном поле, когда он, не усидев на лошади, летел в мартовский сугроб. В результате княгиня каждый день лечила Сашкины синяки и потертости и даже не позволяла проявлять излишней сексуальной активности. «Лучше полежи тихо, я сама на тебе поезжу. Не зря ж ты меня всему научил....

Незаметно за этими занятиями наступил апрель, спасительные сугробы быстро растаяли, но к этому времени Сашка уже подружился со своей гневной кобылкой, оказавшейся вполне управляемой и даже мирной. Синяки на груди тоже больше не появлялись, ибо он наловчился отводить клинок княжны гардой или закручивать клинком своим. Ста-

ли проходить и его атаки, но он всегда придерживал руку, не позволяя острию достигать нагрудника Ксении жестко. При этом он осознавал дилетантский уровень своего фехтования, что ему вскоре и доказал де Пюи, ключица которого наконец пришла в норму. Впрочем, борзеть француз поостерегся и просто погонял его по всему диапазону защитных и атакующих приемов, пробивая или парируя каждый. Присутствовавшая на этом экзамене княгиня подозвала де Пюи, пошушукалась с ним и необычно мягким тоном попросила: «Возьмите его подготовку в свои руки и если к началу мая Алекс сможет против Вас и приглашенного мной бойца оборониться, я заплачу Вам премию в размере годового жалованья».

После этого дни Сашки насытились фехтованием чрезвычайно. К тому же француз осознавал важность общефизической подготовки, и «англичанин» стал ходить утиным шагом, делать растяжки мышц спины и ног (вплоть до шпагата!), укреплять кисти утяжелителями типа гантелей... Да обе кисти, так как Антуан обязал научиться хоть как-то фехтовать левой рукой – по ходу дуэли переброс шпаги из руки в руку многим спасал жизнь.

Отдыхал теперь Сашка только в седле, галопируя рядом с Ксенией в течение двух часов по начинающим зеленеть лугам и лесным опушкам. «Боже, какое счастье!» – кричал он, выскакивая из ворот поместья, на что Ксения неизменно смеялась. При виде его мучений она немного отмякла ду-

шой, хотя обида на него продолжала тлеть и требовала объясниться. Как-то под вечер, когда они достигли лесной опушки и уселись на давно облюбованные пни, Ксения озвучила свое недоумение.

– Алекс! Как объяснить твоё поведение с маман?

– Очень просто. Я перед ней преклоняюсь и её обожаю. Почему, спросите Вы? Потому что она прекрасна, умна и добра.

– Но мне казалось.... Я думала, что мы.... Что ты считаешь прекрасной меня!

– Ты прекрасна Ксения – как утренняя заря, как алмазная росинка на лепестке цветка, как сам цветок в пору его распускания. А когда ты станешь полноценной женщиной, то красота твоя обретет новые краски, нальется живительными соками, и все окружающие будут тобой неизменно очаровываться. Но....

– Что за но? И когда я стану полноценной женщиной? После того как отдамся мужчине?

– После того как у тебя появится ребенок.

– Ребенок? О детях я ещё не думала. Вернее, думала, но как-то понарошку: как о куклах, с которыми можно поиграть.... А ещё я боялась, что он у меня появится. Потому что настоящие дети должны быть от мужа. А найти подходящего мужа у нас очень сложно. Рожать же бастардов.... Их у нас ведь ублюдками зовут, и они лишены всех прав. Мне их так жалко....

– Значит, ты все-таки добра, госпожа Ксения. Это тебе еще один плюс....

– Еще один? А, вспомнила, ты говорил, что совершенная женщина должна быть прекрасной и доброй.... А также умной! А я умная?

– Ты можешь стать умной и уже на пути к этому. Вспомни, твои учителя не раз говорили, что ум складывается....

–из природной сообразительности и приобретенных знаний! Так я много чего уже о мире знаю....

– Твои знания пока очень книжные, да и неполные. Теперь тебе предстоит познать, как теорию люди претворяют в практику – и начнешь ты в самой гуще императорского гадюшника.

– Как гадюшника? Почему?

– Я в нем, сама понимаешь, не был, но разум мне подсказывает: там, где сконцентрированы власть и деньги, бесхитростных отношений между людьми не бывает. Впрочем, простакі везде встречаются, но их быстро множат на ноль.

– Что значит «множат на ноль»?

– Если число помножить на ноль, то и получится ноль, то есть пустое место. В случае с простаками одних разоряют, других принуждают к подчинению, а третьи перерождаются и становятся тоже интриганами, хитрецами. Тебе, княжна, чья судьба больше нравится?

– Ничья! Но какое это имеет ко мне отношение?

– Думаю, прямое. Твоя душа искренна, молода, а значит

проста. И мой прогноз: тебя там постараются принудить к подчинению. Например, выдать замуж к чьей-то выгоде. Но точно не твоей.

– Алекс! Тебе всего двадцать лет! Откуда ты это все знаешь?

– Я много читал и думал, госпожа. В истории Англии такое происходило сплошь и рядом.

– Ах, ты меня запугал. До этого я жила так легко и почти счастливо. Может быть, мне увильнуть от представления императрице, сказаться нездоровой?

– Как я понял, Елена Петровна связывает с твоим представлением много надежд?

– Да-а. Мы, Бельские, находимся с воцарением императрицы Елизаветы в опале. А все потому, что мой отец, Андрей Бельский, оказался верен присяге и не поддержал свержение законной императрицы Анны Леопольдовны. Благодаря вмешательству моего дяди, Алексея Петровича Бестужева, его не казнили и не сослали в Сибирь. Ему даже позволили воевать против Швеции в 1742 году, и если бы он отличился, нас бы реабилитировали. Но он утонул в море по пути на войну. А теперь дядя вновь подготовил указ о реабилитации – в связи с моим выходом в свет.

– Значит надо представляться. Когда?

– Я родилась 24 апреля, за день до дня коронации императрицы. Вот 25 и надо прибыть в Кремль, в Елизаветинский дворец

– Мой срок будет, наверное, подольше: сначала княгиня должна повращаться в свете вместе с тобой, а уж затем поражать светских завсегдатаев диковинкой в моем лице.

– Ты часто поражаешь меня, Алекс, своими выражениями: прогноз, сконцентрированы, завсегдатаи.... Где ты их берешь?

– В основном, это переводы с английского, так как я не могу подыскать похожих русских слов. Ну что, светлая госпожа, наше время истекает. Пора скакать обратно?

– Пора.... А, вот еще: ты все зовешь меня госпожой, а сам уже мне тыкаешь, а не выкаешь....

– Простите, пресветлая, больше не буду.

– Нет! Приказываю продолжать тыкать, мне так больше нравится! Ну, хотя бы наедине?

– Яволь, майн херц! Ноу проблем, майн херц!

– Алекс! И дурака передо мной больше не валяй! Будь по-прежнему героем из романа Ричардсона

Глава восьмая. **Двойной бенефис**

Двадцать пятого апреля княгиня и княжна Бельские отправились в собственной карете в Кремль, на торжественный молебен в честь 12-летней коронации Елизаветы Петровны на царствование. Обе были причесаны и разодеты самым пышным образом в бархатные платья зеленого цвета: салатного оттенка у княжны и огуречного у княгини. Впрочем, сверху в связи с еще прохладной, да и ветреной погодой

на них были обширные суконные накидки. Кроме кучера и слуг на запятках кареты решили взять с собой и Александра Бартона с пистолетами и шпагой – типа, для защиты от уличных татей. В связи с этой своей функцией он предшествующим вечером потренировался на задах поместья в стрельбе и перезарядке пистолетов, остался собой недоволен, но не отказываться же от чести....

По пути Сашка активно крутил головой, разглядывая московские улицы, в том числе и с целью запоминания пути. Карету немилосердно трясло, и он вспомнил, что собирался заказать мастеровитому кузнецу изготовление рессор да времени не нашел. В пути они почти не разговаривали, а занял он с полчаса. Кремль показался Сашке чужим и, как бы, обшарпанным. Народа же в нем и перед ним собралось полным-полнешенько. Впрочем, солдаты с помощью рогаток сумели как-то движение народа зарегулировать и карету княгини, после осмотра поданной ей бумаги, в Кремль пропустили. Они оставили ее возле других карет на какой-то площади и пошли втроем к Успенскому собору – хотя уже без накидок, пистолетов и шпаги. На входе Сашке даже пришлось потолкаться, оберегая дам, а очередной распорядитель, узнав их имена, указал место, где можно было еще встать – в задних рядах, разумеется. После чего оставалось ждать появления главных действующих лиц шоу – императрицы, великого князя и княгини и митрополита с присными.

Благодаря высокому росту Сашка и Ксения (бывшая на каблуках) смогли обозреть площадку перед алтарем, куда явились, наконец, названные фигуранты. Елене Петровне с ее 160 см оставалось вести себя стоически и просто молиться и слушать. Впрочем, Сашка, встав за спиной княгини, брал иногда ее за локотки и тихонько приподнимал над толпой. В первый раз Елена его беззвучно пожурила, но и одарила сияющим взглядом, а потом воспринимала подъемы спокойно.

Императрица в самом деле была высока (может, тоже из-за каблуков?), дородна, курноса и показушно лучезарна. Ее небесно-голубое платье посверкивало искусно рассеянными бриллиантами, а густые светлые волосы были, против обыкновения, заплетены в толстую косу, уложенную вокруг головы и увенчанную сплошь покрытой бриллиантами сферической короной. «Ну, блин, вылитая Тимошенко!» – беззвучно хохотнул Сашка. Рядом с ней стоял хилватый тип, явный иноземец, а под руку с ним тянувшаяся кверху мадам. «Понятно, парочка взаимных ненавистников, Петр и Катерина, бывшая Софи. А вокруг? Дитина за спиной Елизаветы, видимо, Иван Шувалов, другой дитина поодаль и постарше – Разумовский, обочь должны быть Петр Шувалов, Бестужев, Воронцов, Апраксин, а также представители древних боярских родов (Голицины, Шаховские, Трубецкие, Милославский....), но кто из них кто, черт разберет.... Впрочем, вон тот, самый пожилой, представительный подходит под описание Бестужева. Ну а бабенки? Все мельче Елизаветы и писа-

ных красавиц среди них что-то не видно, один гонор. Моя Елена куда их краше.... Хотя в толпе встречаются миленькие лица, встречаются....»

Сама служба скоро стала в тягость Сашке, который был закоренелым безбожником и на попов всегда смотрел с недоумением. Но тут с верой не шутят – и он стал полегоньку обезьянничать, то есть бить поклоны и бормотать религиозную чепуху. Наконец, митрополит благословил императрицу на дальнейшее царствование во славу русского народа и православной церкви, и та вместе со свитой двинулась к выходу из собора. «Слався, матушка царица, – возликовал Сашка, – за два часа управились!» и подхватил дам под руки. Елена с удовольствием на руке повисла, Ксения не снизошла.

На выходе из храма к ним подошел тот самый пожилой сановник, которого Сашка спрогнозировал канцлером, и поклонился вежливо Елене Петровне: – Здравствуй, сестрица.

– Здравствуй долгие годы, брат.

– Это твоя Ксения? Не узнал. Настоящая красавица. А это что за молодец?

– То учитель Ксении, Алекс Бартон, из Англии. Потом про него расскажу.

– Потом так потом. Готовы ли предстать перед государыней?

– Готовы, граф. Когда?

– Прием во дворце вот-вот начнется.

– Говорил ли ты с ней о нас?

– Говорил. Все будет хорошо. Если только Ксения на последующем обеде, а также во время бала не оплошает.

– Я ее усиленно готовила.

– Тогда пойдем. Учителя оставьте тут.

Было давно за полдень, когда дамы вернулись к карете из дворца. Были они сыты, оживленны и тотчас бросились утешать Алекса («обреченного здесь скучать и голодать») и стали угощать прихваченными с пира пирогами. И очень удивились, что он, оказываясь, интересно провел время в компании слуг и уже с ними перекусил. «Они знают столько баек, – оправдывался Сашка, – да и я им порядком рассказал о том, что в мире делается».

– Ты, Саша, нигде не пропадешь, – констатировала с некоторым прискорбием княгиня. – Перекати-поле: сегодня здесь, завтра там, то княжну улестишь, то служанку, тебе все едино....

– Виноват, светлая госпожа. Они еду разложили, у меня аппетит и разыгрался....

– Вот, вот, – не отступала княгиня. – Девка перед тобой заголится, а княжны поблизости не будет, куда деваться....

– To argue with a woman is useless (Спорить с женщиной бесполезно), – припомнил Сашка английское выражение

– Что? – спросила Бельская.

– Простите еще раз, госпожа. Это английская поговорка о бесполезности спора с женщиной: она всегда окажется права.

– Матушка, – вмешалась княжна, – Я думаю, что Алекс просто умеет доминировать в любом обществе – так, как это делал Петр Великий. А это завидное мужское качество.

– Вот, вот, он и над тобой сумел доминировать. Смотри, дева, проклянута, если согрешишь! На тебя у императрицы такие планы....

– Матушка! (Госпожа!) – раздались голоса, полные укоризны.

– Ладно, угомонитесь. Пора на бал ехать, в Головинский дворец. Тебе, Саша, опять придется развлекаться в обществе слуг и кучеров – но только потому, что я не догадалась взять для тебя одежду и парик, приличные для танцев. В другой раз наверстаешь, балы государыня дает часто.

Бал начался уже в сумерках. Стало заметно холодать, и челядь развела в обширном дворе несколько костров. Сашка подсел к одному, но вопреки предсказанию Бельской не стал балаболить с народом, а направил глаза и уши на обширные окна парадного зала. Видел он, впрочем, только хрустальные люстры, но музыка, хоть и приглушенная, была слышна. Вот зазвучал торжественный полонез, и Сашка представил, как шествие танцевальных пар возглавили Елизавета и молодой Шувалов (или все-таки Разумовский?), за ней двинулись Петр и Екатерина (или уже наглая Воронцова?), потом.... Может быть, Петр Шувалов и Куракина? Ладно, чего гадать, сподоблюсь когда-нибудь узреть.... Более важно с кем там мои Елена и Ксения будут танцевать....

А вот наступил черед менуэтов: титити-ти та-та-а, тити-ти-ти та-та-а, та-та-та-та-та-а, та-та-та-та-та-а, тити тити тити та-та-а.... Вдруг Сашка представил себя со стороны и заулыбался: очень уж он был похож то ли на пса, то ли на осла из «Бременских музыкантов». Только почему-то ему не так смешно, как грустно.... В этом минорном настроении в голову неожиданно пришли те мысли, которые он от себя до сих пор отгонял: а ведь у него должна быть (как у всякого порядочного попаданца) задача или даже сверхзадача – что-то поменять в этом мире. Но что и как? Конечно, он меняет его уже своим фактом присутствия.... Может детишек настругать, над чем сейчас с княгиней и трудится.... Может развитие музыки, танцев и в целом культуры ускорить.... Или следует совершенствовать вооружение русской армии? Но если музыка у меня в голове, то состав бездымного пороха или устройство ружей, пушек я не знаю ведь совершенно.... Помню более или менее тех, кто из сильных мира сего в опалу попал или помер.... Тьфу, в ясновидящие только не хватало влипнуть.... Ладно, окажусь среди этих «сильных» (а в обществе княгини это неизбежно), тогда ситуация и подскажет приложение послезнания.

Месяц уже высоко был на звездном небе, как музыка во дворце смолкла, но свечи остались гореть. Сашка припомнил, что в привычках императрицы было сделать перерыв на ужин, а затем танцы возобновлялись, хоть и в более узком (человек на триста, ха-ха!) кругу. Вошли ли Бельские в этот

круг? Оказалось, еще нет. Впрочем, подошедшая к карете княгиня утверждала, что они с Ксенечкой просто устали, так как им совершенно не давали отдохнуть назойливые кавалеры. По дороге домой она сочла своим долгом рассказать Алексу о ходе бала, перечислила всех, с кем танцевала она и кого осчастливила Ксения, особо выделив танец дочери с Иваном Шуваловым, который был «невероятно куртуазным и обходительным».

– Мама, это ведь я с ним танцевала, а не ты! – вспылила Ксения. – Позволь мне судить, был ли он куртуазен. Так вот, главное чувство, которое он испытывал, танцуя со мной – боязнь! Он очень боялся, что императрица обратит на нас внимание и решит, что его куртуазность со мной чересчур велика. Потому улыбка его была фальшива, глаза пусты, а руки холодны!

– Впрочем, да, он тебе не пара. Зато Владимир Голицын, танцевавший с тобой англез, по-моему, был очень горяч! И рост и возраст – все тебе подходит!

– Да? А знаешь, что он подсунул мне записку, в которой приглашает на свиданье «на лоне природы»?

– Дай сюда! И правда: завтра, после обеда, «на лоне природы, недалече от твоего дома, на среднем Неглинском пруду. Твой В.». Вишь, какой скорый! Сегодня познакомился, а завтра свиданье на пруду!

– Бойтся, чтобы кто не перехватил, – вставил молчавший до того Сашка.

– Не зря боится, – с извинкой ответила Ксения. – Не глянулся он мне. Простоват, двух слов связать не может. Хотя да, горяч, все руки мне истискал.

– Так ты поедешь на это свиданье? – спросила княгиня. – Я тебя, конечно, одну не отпущу, присмотр будет.

– И не подумаю. На роль любовника он не годится, а быть замужем за индюком – доля незавидная.

– Ксенечка! Девочка моя! О каких любовниках ты говоришь!? Я не узнаю тебя: это ты за день так повзрослела?

– Да насмотрелась уж. Этот любовник той, та любовница этому. И все при женах и мужьях!

– Ты права, моя милая. Мне тоже современные нравы сильно не нравятся. А тон задает императрица, которой вовремя не удалось выйти замуж....

– Она вроде бы скоро уезжает в Петербург? – спросил Саша.

– В начале мая, – ответствовала княгиня. – Но перед этим объявила весеннюю охоту на вальдшнепов и утей. Особо пригласила на нее Ксению. Послезавтра – первый день охоты окрест ее любимого Покровского.

Глава девятая. Драма на охоте

В первый день охоты, конечно, не охотились, а лишь съезжались из всех концов Москвы и подмосковных поместий в Покровский дворец Елизаветы и проверяли там ружья, боеприпасы и снасти. Прибыло около 300 участников (ближний

круг и особо приглашенные), сотворившие конечно много пальбы. Пирушки в первый вечер не было, так как выезжать надо было рано поутру. Ксению, обрядившуюся в мужской охотничий костюм, привезли туда в коляске с пристегнутым к ней жеребцом, навьюченным ружьем и пистолетами. Кучер должен был найти себе угол в деревне и ждать окончания охоты. Елена Петровна, очень боявшаяся, как бы чего с дочерью не случилось, послала конного Сашу (тоже до зубов вооруженного, в том числе шпагой) тайно за ней приглядывать. И он должен был самостоятельно подыскать себе жилье и замаскироваться. Решили одеть его в подобие то ли охотничьего, то ли тирольского костюма, надеть парик прусского типа и наклеить небольшие усики – получился очень бравый немецкий мужчина, так что Ксения его в порыве чувств расцеловала (в щеки, господа, в щеки).

Поиск жилья у Сашки затянулся и, в конце концов, ему пришлось заночевать в соседней деревне, верстах в пяти от Покровского. Крестьянская семья, приютившая его, очень дивилась на невесть откуда взявшегося немца, который объяснялся на дикой русско-немецкой смеси, но достал из торбы добрую жменю гречки, заплатил за ее приготовление и съел на ночь с удовольствием (остатков хватило на завтрак всей семье). Кроме того каждому ребятенку, коих было в семье девятеро, он дал по петушку на палочке! Впрочем, спать немцу пришлось в бане, так как на лавке в доме к нему сразу сползли клопы.

При первых признаках рассвета отчаянно зевающий Сашка оседлал свою Машку, развешал по бокам ее ружье, пистолеты и шпагу и потрусил к Покровскому, где еще со вчерашнего дня надыбал скрытный пункт наблюдения. Он едва успел: только залег за Машку, как из дворца к конюшне повалили охотники и стали седлать в утренних сумерках своих коней (в основном с помощью конюхов). Княгиня снабдила его подзорной трубой, и он с удовольствием стал разглядывать озабоченное и оттого по-новому симпатичное личико Ксении, которую выхватил наметанным взглядом даже среди развернувшегося сумбура. Но вот всадники в сопровождении легавых потянулись из ворот усадьбы и стали строиться вдоль дороги. Когда подтянулись последние, на крыльцо дворца вышла грандиозная в своем охотничьем костюме Елизавета и ее ближники, им тотчас подвели обвешанных оружием коней, подкинули в седла, и они пронеслись вдоль строя, сразу возглавив кавалькаду. «Пора и мне за ними, а то ведь убегут» – засобирався Сашка и поднял из-за пня Машку.

Вся орава проскакала вместе версты две, до обширного, покрытого водой и камышами болота, по краю которого и стала рассыпаться. Сашка вновь издалека выглядел Ксению и, держась в редколесье на избранной дистанции, стал двигаться параллельно ей. Вдруг на правом фланге цепи, где была императрица, загрохотали выстрелы, а потом вразбежку и по всему фронту. Охота на уток началась. Следивший за

Ксенией Сашка видел, как она тоже подняла ружье и выстрелила над камышами. Потом совершила ряд манипуляций с ружьем (засыпка пороха меркой и трамбовка его пыжом, засыпка дробы меркой и вновь пыжевание), подняла, подождала, выстрелила, обрадованно закричала и опять приступила к зарядке. Этот цикл повторялся в ее исполнении раз за разом. «Вот это упорство!» – оценил студиозус. «Мне и смотреть-то уже надоело, а она шпилит и шпилит».

Часа через два после восхода солнца стрельба стала утихать, утки, видимо, встали на крыло и улетели из этого негостеприимного водоема. Всадники вместе с собаками стали выбираться к дороге. Неожиданно возле Ксении появился высокий молодой охотник и стал жестикулировать. Сашка припал к окуляру трубы, увидел раздосадованное лицо Ксении и перевел трубу на приставалу. «Жлоб, – враз оценил он мужика. – Хотя по одежке, видимо, сиятельный. Это что, он ее хватает что ли?». Сашка взлетел на лошадь, ударил ее каблуками под живот и помчался к болоту. На берегу он увидел катающийся клубок тел, спрыгнул на землю, но приметил боковым зрением возле лошадей еще двух молодых охотников, сноровисто забивающих пыжи в ружья. Сашка выхватил шпагу, рванул к ним и двумя резкими шлепками клинка заставил выронить ружья. Из их запястьев засочилась кровь, лица побледнели. «Если вмешаетесь, убью!» – внятно сказал Сашка, спихнул ружья в болото и побежал к борцам. Впрочем, мужик уже победил и, сжав мощной дла-

нюю обе кисти Ксении, стаскивал с нее штаны. Сашка вытянул его плоской стороной шпаги вдоль спины, а когда тот от боли и негодования оглянулся, ударил от всей души эфесом по темени. Тот повалился на свою жертву, но попаданец толкнул его ногой на землю. Бросив взгляд на подручных насильника («стоят как миленькие....»), он взял Ксению за руки и заставил сесть. По щекам ее побежали обильные слезы, губы задрожали, силясь выговорить какие-то слова, но вместо этого она зарыдала. Сашка посмотрел бешено в сторону свидетелей, вскочил на ноги и пошел к ним, держа в руке шпагу. Те попятились, желая, видимо, спрятаться за лошадьми, но он сказал грозно «Стоять!» и они замерли. Он подошел, посмотрел им поочередно в глаза, вспомнил, что по легенде он немец и велел низкорослому:

– Вязать его!

– У м-меня нечем....

– Снимать камзол, рубашка, делать ленты унд вязать!

– У меня рука болит, не могу....

– Делать нога, рвать здоровая рука, теперь вязать.... Ленты остаться, надевать камзол, подставлять свои руки. Шнеллер, шнеллер.... Теперь сидеть, думать о жизнь.

Тут он повернулся к Ксении и увидел, что она уже встала на ноги и приводит в порядок свою одежду. Сашка подошел к бездвижному телу и подержал пальцы на сонной артерии: пульс редкий, слабый, но был. «Теперь можно успокаивать девушку» – решил он и сказал:

– Майн фреляйн, я рад, что все остаться карашо. Глупый думкопф! – пнул он бесчувственное тело.

Ксения оторопело посмотрела на Алекса, потом вспомнила, видимо, как клеила ему усы и слабо улыбнулась.

– Я Вам, сударь, очень благодарна. Если бы не Вы, эти негодяи уже утопили бы меня в болоте....

– Нет, нет, госпожа! – заорали связанные. – Таких целей у нас не было!

– А какие были? – грозно спросил немец.

– Никаких у нас не было, – сказал низкорослый и кивнул на лежащего. – Это ему захотелось княжну попугать....

– Кому ему? – не отступал немец.

– Он княжне знаком....

– Ваш светлость, кто это? – спросил немец.

– – Это Владимир Голицын, сын князя Бориса Васильевича....

– Что будем делать, ваш светлость?

– Пусть они остаются здесь, – сказала Ксения уже решительным голосом. – Помогите мне уехать.

Когда они удалились от болота на полверсты, Ксения, ехавшая бок о бок с Сашкой, вдруг повернулась к нему, обхватила руками за плечи и припала к груди, всхлипывая:

– Сашенька! Не отдавай меня никому! Пожалей!

Заскорузлое сердце бывшего юбочника ворохнулось в груди и сжалось в сладкой тоске. Он стал на автомате поглаживать спину и плечи несчастной девушки и вдруг загово-

рил:

– Я и не хочу отдавать, Ксенечка, не хочу! Ты моя славная девочка, моя! Мы с тобой как брат и сестра....

– Я не хочу быть тебе сестрой! – запротестовала княжна. – Хочу быть женой, любить тебя и рожать от тебя детей, которые будут такими же многознающими и благородными....

– Ксения! Ты ведь знаешь, что у меня любовь с твоей матушкой....

– Пусть! Но я ей признаюсь в своей любви к тебе, и она от тебя отступится....

– Ох, Ксения.... Ты забыла, что носишь княжеский титул, что у тебя полно родни, которая не допустит свадьбы с худородным, никому не известным иностранцем и к тому же протестантом....

– Многие иностранцы, живущие в России, приняли православие.... Или тебе оно очень не нравится?

– Не нравится, – вдруг выпалил Сашка. – Хотя я и английских пасторов не люблю. По-моему, и попы и пасторы дураят людям головы. Ты уж прости меня за эти слова....

– Сашенька....Так ты подобен Эпикуру и Демокриту, которые не верили в богов?

– Ксения! – спросил потрясенный Сашка. – Кто тебе рассказывал об этих древних философах?

– Мьсе де Пюи, – смутилась княжна. – Я много крамольного от него узнала. Он пытался таким образом меня увлечь, склонить к любви.... Но тут появился ты и всех затмил.

Глава десятая. Приглашение, от которого нельзя отказаться

К вечеру того же дня Ксения и Сашка вернулись домой. Княгиня очень удивилась, но услышав рассказ дочери о нападении, всплеснула руками:

– Чужало мое сердце, что с тобой там может что-то случиться! Не зря я Сашеньку послала! Защитник наш единственный!

И пала на грудь Сашке. Тот стоял и лупал глазами поверх головы княгини на Ксению. Та красноречиво молчала.

– А что императрица? Сильно гневалась на Голицына?

– Я ей не сказала об этом случае. Просто отпросилась с охоты, пожаловалась, что плечо прикладом отбила. Голицын же при мне там не появился.

– Ну и ладно. С их родом поссориться – навек полсотни врагов нажить. Мы на этого паскудника иную управу найдем, будет случай.

В начале мая двор императрицы засобирался в Петербург. Сама она уже уехала (любила стремительно, налегке передвигаться), но вдруг Бельским принесли от нее записку с приглашением в столицу. «Хочу еще посмотреть на тебя и дочь твою вблизи». Начались хлопоты по переезду. Первым делом Елена Петровна навестила брата-канцлера (который еще завершал московские дела), и тот обещал снять достойный ее звания дом. Стали было увязывать мебель (которые

в те времена возили за собой, в том числе и императрица), но тут вмешался Сашка и порекомендовал купить мебель в столице или нанять сразу меблированный дом. Бестужев подтвердил, что так сделать можно и впервые посмотрел на «учителя» с подобием уважения.

К тому времени из учителей у Бельских остались Алекс и де Пюи: при этом второй исключительно для тренинга первого. Переезд Алекса был сочтен само собой разумеющимся. Он, наконец, вспомнил про рессоры, походил по окрестным кузням, но лишь в одной встретил природного энтузиаста, который вник, загорелся, сходил сам к дому Бельской, сделал все обмеры кареты и наметил места крепления. Через 5 дней от него прибежал мальчик с известием, что заказ сделан. Сашка вместе с княгиней подъехал к кузне в карете и мастер со своим подручным споро закрепили под ней рессоры. Княгиня велела кучеру сделать пробный проезд по улице туда-сюда, приятно удивилась плавному ходу, одарила «Сашеньку» счастливой улыбкой и выплатила кузнецу обещанную сумму. Сашка отвел кузнеца в сторонку и сказал:

– Думаю, ты понимаешь, какую жар-птицу сейчас в руках держишь? (Мужик закивал). Можешь делать рессоры впредь от своего имени, но советую спрятать их в прямоугольный деревянный кожух – чтобы зеваки прохожие полагали, что это просто толстая деревянная балка. Потом кто-то кожух разобьет и обман выяснится – но за это время ты карет 30-50 своими рессорами снабдишь и деньги за них получишь из-

рядные. Так?

– Так, батюшка.

– Ну, наживайся, да княгиню Бельскую благодари. Может, когда еще чего ей исправишь.

– Здрав будь, добрый человек. Век не забуду твоего ума и доброты.

Сборы заняли две недели. Свободная от них княжна настояла, что ее знания по истории и географии все еще не на высоте и потому встречи с Алексом на уроках продолжила. Сашка обучал ее на полном серьезе, но княжна почему-то многие его рассказы встречала взрывами смеха. «Людовик 14 стал из жантильного кавалера унылым блюстителем нравов? Ха-ха-ха!». «Лжедмитриев было три и каждому из них люди верили? Ха-ха-ха!». «У Владимира, крестившего Русь, было 800 наложниц? Как у турецкого султана? Ха-ха-ха!». «Залив по-русски губа, а мыс – нос? Ха-ха! А лбом что-нибудь называется? Обтесанная ледником скала? Ха-ха-ха!». При этом у нее появилась потребность часто прикасаться к Саше (наедине она стала называть его именно так), брать его за руку, а также просить вынуть из ее глаза ресничку, дунуть ей в уши от сглаза (?) и даже почесать между лопаток (самый кайф!).

Их идиллия была прервана сообщением княгини, что все к переезду готово и надо ехать. Однако следовало дожждаться сообщения от Бестужева о найме для них дома, а его пока не было. Тут княгиня вспомнила, что обещала устроить Алек-

су проверку его владения шпагой и пригласила на обед своего давнего приятеля, графа Андрея Толстого (бывшего в ее памяти хорошим фехтовальщиком). Тот приехал, с удовольствием откушал, а также полюбезничал с попавшей в фавор к императрице Ксенией, удивился ее образным знаниям европейской истории и согласился оценить поединок на шпагах двух учителей княжны. Княгиня пригласила его пройти в класс, но граф улыбнулся и предложил провести бой во дворе: так сказать, в реальной обстановке.

Сашка и Антуан вышли с учебными шпагами на центр земляного двора, изъезженного колесами карет и изъязвленного копытами лошадей (хоть и приглашенного отчасти метлой дворника) и встали в позицию – так, чтобы солнце светило им сбоку. По сигналу графа поединок начался и француз, верный своей натуре, резко пошел вперед, производя финты и реальные выпады. Сашка, впрочем, его приемы давно изучил и стал уклоняться от каскада атак глубоким маневрированием по всей площадке, успевая бросать взгляды на землю, чтобы не споткнуться. Хитрый француз продолжил атаковать со стороны солнца, на что Сашка ответил контратакой с оппозицией (то есть силовым отведением его шпаги гардой) и последующим пируэтом, в результате чего против солнца оказался де Пюи. Воспользовавшись секундным ослеплением противника, Сашка тоже провел серию выпадов и прогнал француза назад метров десять. Тот успешно отбивался, но вдруг упал назад, зацепившись каблуком за ка-

кую-то неровность. Он сразу перекатился в сторону и вско-
чил на ноги со шпагой наизготовку, но Сашка знал, что успел
бы его проколоть на земле.

Он дал ему развернуться боком к солнцу и ввязался в
обмен выпадами, переводами, батманами и захватами. При
большей длине рук его шансы на укол были предпочтитель-
нее, но француз не даром ел свой хлеб. Надо было рискнуть,
и Сашка сделал шаг, резкий выпад (не достигший цели), стал
как бы падать, но вдруг толкнулся передней ногой, выпрыг-
нул снизу с вытянутой шпагой в направлении противника и
ткнул клинок в туловище. Ксения не удержалась, на фран-
цузский манер захлопала в ладоши и крикнула «Шарман!»,
Елена Петровна поддержала «Молодец!», а граф улыбнулся,
подошел к Сашке, потрепал его по плечу, сказал «Классиче-
ский флэш!» и протянул золотой 5-рублевик. Сашка расте-
рялся, посмотрел на княгиню (она чуть кивнула) и с покло-
ном взял монету.

Глава одиннадцатая. **И вот столица!**

Дорогу в столицу одолели за 10 дней. Княгиня ехала не
спеша, нагрузив сундуками кроме кареты еще две телеги и
взяв с десятков служанок и слуг, в том числе Соцкого (де Пюи
получил окончательный расчет, а также крупную премию за
подготовку Алекса и, похоже, утешился). По пути кортеж
сворачивал то к одному поместью, то к другому, в которых
жили родственники или приятельницы Бельской, и там пу-

тешественников встречали неизменно с русским хлебосольством. Сашку княгиня представляла «эсквайром из Ливерпуля», который путешествует по России из любознательности и согласился быть попутчиком Бельских в трудной дороге. Приятельницы кивали и «пронзали» юношу взглядами, пытаясь понять его истинную роль меж путешественницами. Он оставался верен себе, в приличествующий момент овладевал застольной беседой, и вскоре хозяева начинали хихикать, а то и до слез хохотать над его байками и анекдотами. Впрочем, один раз ночевали в заезжей избе, где им категорически не понравилось, и потому еще две ночи спали в карете, завернувшись в шубы (дворня, естественно, на телегах и под телегами).

Наконец, прибыли в Петербург и направились на Фонтанку близ Апраксина переулкa, где стоял нанятый дом (ближе к центру, извинялся в письме Бестужев, свободных домов не было). Дом двухэтажный, достаточно большой, но княгине сначала не понравился. Что делать, придется обживать. Впрочем, век куковать она в нем не собиралась – зимой вместе с Елизаветой снова в Москву. Сашка тоже осмотрел все комнаты, удовлетворился качеством воды из Фонтанки и решил-таки обустроить в господской половине ватерклозет, а также горячий душ. Просматривая интернет, он наткнулся как-то на оригинальную идею водяного насоса – в виде металлической бочки, установленной на верхнем этаже (до высоты 6 м над уровнем близрасположенного водоема). В нее

наливают небольшое количество воды (2 литра), под ней разводят огонь (например, в маленькой печурке), вода закипает и горячий воздух выходит из нее – через шланг в верхней крышке бочки, а нижний конец шланга погружен в водоем. Когда пробулькивание воздуха в воде прекращается, огонь тушат, бочка начинает остывать и понемногу засасывать воду в бочку (для заполнения 200-литровой бочки достаточно часа). Сливной бачок готов (если врезать в него еще выпускной патрубок). По такому же принципу устраивается душ – только нижний конец шланга опускается в другую бочку, наполненную уже согретой водой (на кухонной печке нижнего этажа). Простота исполнения ему так понравилась, что он идею насоса запомнил.

С благословения княгини Сашка заказал изготовление двух сливных железных бочек с патрубками и одной простой, медных ванны, душевого рожка и дугообразно изогнутого сливного патрубка для стульчака, а также большого набора труб из черной жести для слива вод и пошив двух длинных брезентовых рукавов-шлангов. Ну а стульчак и септик соорудили собственные мужички. Через декаду после приезда Сашка, отчаянно волнуясь, провел «испытание» ватерклозета и перевел дух: вода исправно бежала в стульчак, нигде не подтекала да и вони никакой не чувствовалась! Еще через пару дней была оборудована ванная комната, которую тотчас взялась опробовать княгиня – и как же она радовалась, как одаривала ночью своего никем не превзойденного

изобретателя и мужчину!

Да, хоть Ксения и призналась матушке, что влюблена в Сашу, та уступать его дочери и не подумала, разумно полагая, что блажь эта у нее пройдет. Вот закружится в придворной жизни и череде балов да маскарадов, завяжет новые знакомства, а там предложения о замужестве последуют. Да и вообще: может он и «сквайр», но разве ровня княжеской дочери? Хорош, что там говорить, но не ровня. Ну, а пока желательно не оставлять их наедине — только и всего.

А их жизнь в самом деле переменилась, после того как они явились в Летний дворец императрицы. Та первым делом их отечески отругала, за то, что не спешили на ее приглашение. А затем представила список праздников, поездок и балов, на которых им желательно быть. Числились там, впрочем, и богомолья в монастырях — к счастью непродолжительные. И закружились барыньки в «вихре удовольствий», после которых у Елены Петровны жутко гудели ноги (благо, ванная в доме ожидала!), а у Ксении все чаще болела голова.

Сашка же балдел. Он впервые оказался предоставлен самому себе и, покончив с обустройством быта, стал просто гулять по столице (благо денежку кое-какую Елена ему выдала), заглядывая в разные ее уголки. В одном оружейном магазине ему приглянулись трехствольные пистолеты и короткоствольный штуцер, в другом — хищно изогнутая польская карабела (в перспективных планах Крылова стояло научиться фехтовать саблей) — но покупать их он пока не стал.

В магазине картографическом долго стоял перед развешанной на стене картой современной Европы и вот ее все-таки купил – для Ксении (ну и сам поизучает, конечно). Зашел в парикмахерскую, где ему предложили сделать самую модную прическу «а ла Катоген». Завис он здесь на два часа, после которых его подвели к зеркалу, и он увидел в нем типичного французского аристократа середины века: два ряда локонов на висках (накладка, конечно) и зачесанные назад собственные волнистые напудренные волосы, хвостик которых перевязан черной лентой. Ну, блин, Бред Питт и Джонни Депп в одном флаконе! Молодец, куафюр, держи монету!

Дело было к обеду, и Сашка решил посетить трактир, уже примеченный им на Невском проспекте, который держал, естественно, француз, мсье Шарден. Внутри было свободно, комфортно и публика приличная, хоть немногочисленная. А главное он услышал характерный стук шаров слоновой кости, доносившейся из соседней комнаты. Здесь есть бильярд, замечательно! Сашка в своем Можайске им очень в школьный период увлекался и достиг известности – в узком кругу, конечно. Но грешить тоже надо в определенной последовательности: сначала чревоугодие, потом игра на деньги (в то, что играют здесь не на фанты, он не сомневался). Вот и метрдотель с предложением столика и меню. «Ну-ка, удиви закормленного студента.... Уже удивил: в меню названия как по-французски, так и по-русски! Ага, супы: *de julienne* (овощной с мясом), *de poissonne* (рыбный), *au fromage* (сыр-

ный) и еще 10 названий, уже более специфических. Ну, рыбный не хочу, сырный может быть на любителя, тогда жульен! А вторые блюда? Десятки названий! Так.... так.... Устриц поопасаюсь, фуа гра пропущу.... Пусть будет фондю бурги-ньон (кусочки говядины, обжаренные в масле), к ним, конечно помме де терре, то есть картофель, ну и попробую тушеные артишоки – авось не отравя. Вино? А ну его на фик, еще не вечер и женщин рядом нет. Вот кофе закажу – посмотрим, как его в этом веке готовят. Все, пожалуй!»

Весьма довольный обедом (и артишоки заценил и кофе, а пикантное мясо! А суп, всем супам суп!), Сашка вошел в бильярдную и встал у стены. На него тотчас зыркнули другие зрители числом три, а двум игрокам было, конечно, фиолетово. Одеты все на первый взгляд прилично (четыре гражданских, один офицер), но на второй заметна подержанность и одежд и лиц, оживляемых преимущественно азартом. Сашка перевел взгляд на бильярд и чуть улыбнулся: русский вариант игры уже в ходу. Но тотчас поморщился: «Лузы широковаты, борта и поле жесткие, на киях нет нашлепок. Придется заказать стол привычной конструкции, ну а кий с нашлепкой сделаю только себе: пусть голову поломают, почему у меня удары более замысловатые. Потом пригляделся к технике игроков: что ж, ничего особенного, накатов и оттяжек почти нет, обводок тоже (оно и понятно, без нашлепки кий просто прямолинейная палка). В ходу тихие удары на точность, толчки кием только в центр шара. Но подача кия у

обоих игроков ровная и глазомер отличный. Так что я погужу с ними играть этими деревяшками, уроют и денежки заберут». Дождавшись конца партии, он сделал общий поклон компании и вышел вон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.